

священии, и в предисловии, так что грань между этими жанрами неизменно оставалась достаточно зыбкой. И тот и другой текст мог содержать сведения о предлагаемой книге или об ее авторе, если это был перевод, а не оригинальное сочинение. И в предисловии, и в посвящении можно встретить упоминание о том, что книга представляет собой «первый плод» трудившегося над ней литератора, что работал он в «свободное от должности» время и т. п. Однако приведенные примеры обнаруживают известную закономерность: автор, который не довольствуется посвящением, но прибавляет к нему предисловие, стремится подчеркнуть, что его книга обращена не только к названной персоне, но и к «благоклонным читателям», «разумным читателям», «соотчичам».

Издавая «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» (1735), Третьяковский предварил его развернутым посвящением группе лиц: «Всем высокопочтеннейшим особам, титулами своими превосходнейшим, в российском стихотворстве искуснейшим и в том охотно упражняющимся, моим милостивейшим господам». Чувствуя себя нововводителем и стремясь приобрести сторонников предлагаемой им системы стихосложения, Третьяковский вмещает в свое посвящение и похвалу «искуснейшим», «благоразумнейшим», «правду любящим», и традиционную самоуничижительную формулу, упоминая о «малой и весьма недействительной искре» своего ума.²³ Это посвящение в сущности почти не отличается от обращений к «благожелательному читателю», в котором автор хочет видеть компетентного знатока, умеющего по достоинству оценить предлагаемый его вниманию труд. Однако в отличие от предисловия текст обращен к достаточно узкой группе читателей — к собратьям по перу, к тем, кто сам «упражняется в российском стихотворстве». Зная участников переводческого Российского собрания при Академии наук, нетрудно назвать тех, к кому обращался автор «Нового и краткого способа»: В. Е. Адодуров, И. И. Тауберт, М. Шванвиц. Хотя их имен в посвящении нет, из текста явствует, что автор и «высокопочтеннейшие господа», к которым он обращается, связаны общими интересами, что автор причастен к той группе лиц, которой посвящается его книга.

Персональные посвящения преобладают в русских изданиях XVIII века, но и посвящения группе лиц появляются на протяжении всего XVIII и в начале XIX столетия у разных авторов в разных обстоятельствах. Книжки посвящаются иногда, как и у Третьяковского, научному сообществу. Например, Д. Е. Дамаскин (Семенов-Руднев) (1737–1795), известный своими филологическими трудами, предпосылает изданному им «Собранию разных сочинений в стихах и прозе» М. В. Ломоносова (1778) обширное посвящение, обращенное к «почтеннейшим господам Вольного Российского собрания членам, о поправлении и обогащении российского языка старающимся». Приветствуя создание Российского собрания, Дамаскин предлагает ему в этом посвящении развернутую программу дальнейшей деятельности: «... главное ваше намерение состоит в том, чтобы россий-

²³ Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий. Чрез Василья Третьяковского. СПб., 1735. С. 3 нenum.